

Рудольф Штейнер

Из GA 174

Исторические рассмотрения. Карма лжи. Часть II

Перевод А. Демидов

ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 30 декабря 1917

История антропософского движения. Сен-Мартен. Древнееврейский язык. Что означает само слово «еврей». Древняя мудрость и эфирное ясновидение будущего. Среднеевропейская духовная жизнь в немецком идеализме: Новалис, Шлегель, Шуберт, Трокслер. Карл Христиан Планк. Оба математика Больяй и проблема параллельных. Среднеевропейское начало как представитель общечеловеческого в противоположность к односторонности, вырабатываемой на периферии.

Мне кажется, было бы правильно, привести сегодня некоторые мысли о значении и сущности нашего духовного движения, как мы говорим - антропософски ориентированной духовной науки. Надо будет ориентироваться на те или иные явления, выступавшие по ходу времени, посредством которых это движение частично подготавливалось, частично развивалось. Если при этом, как может показаться, будут сделаны те или иные замечания личного плана, то произойдет это не из каких-либо личных причин, но постольку, поскольку на личное приходится опираться, ради того, что высказывается объективно. То, что духовное движение, которое знакомит человечество с глубинами источников бытия, причем именно человеческого бытия, является в известном смысле необходимым, может стать очевидным для каждого, просто потому, что культура современности, в своём развитии в некотором смысле дошла до абсурда. Ибо при глубоком размышлении никому не может придти в голову, назвать разыгрывающиеся теперь

события иначе, нежели доведением до абсурда того, что жило в импульсах нового времени.

Из того, что стало вам известно из духовной науки, вы хорошо почувствуете, как всё то, что, по всей видимости, разыгрывается столь внешне, в конце концов, опирается на представления и мысли людей. Что происходит на деле, что развертывается в материальной жизни, является целиком и полностью, можно сказать, результатом того, какие представления имеют люди. Воззрения внешнего мира, как они формируются сегодня среди человечества, дают картину, которая весьма сильно указывает на недостаточность мыслительных сил. Я однажды уже использовал это слово: события переросли людей, вышли из повиновения, поскольку мышление стало слабым и больше не в состоянии проникать в действительность. Слова, прилагаемые к вещам на физическом плане он майи, от внешней видимости, должны были бы теми, кто уже знает их, приниматься гораздо серьезнее, нежели они часто принимаются. Они должны были бы глубоко, глубоко отпечатываться в общем сознании времени. Единственно в этом может быть заложено спасение от того вреда, который с известной необходимостью распространяется среди людей. Кто пытается сегодня разумным образом заглянуть в приводной механизм действий, то есть в то, что сегодня приводит мысли в действие, тот должен познать необходимость, внутреннюю необходимость того, чтобы человеческая душа стало охваченной мощными, дружественными по отношению к действительности мыслями.

В сущности, в основе нашего движения лежит то, чтобы дать человеческой душе мысли, дружественные действительности, мысли, более пропитанные действительностью, нежели абстрактные шаблоны современности. Всегда окажется недостаточным, как бы часто мы не указывали на то, как человечество сегодня любит абстракции и не желает осознать, что это понятийно-теневое начало не может по-настоящему внедриться, проникнуть в ткань бытия. Это особенно проявилось в четырнадцати-пятнадцатилетней истории нашего движения. Становится всё более необходимым, чтобы наши друзья проникались тем специфическим, чем обладает наше антропософское движение. Вы знаете, поскольку это часто акцентировалось, что имелось намерение как можно более возвеличить слово «Теософия», какое сопротивление оказывалось тому, чтобы придать ему смысл

опознавательного слова движения, своего рода пароля. Но вы знаете также и все обстоятельства, вследствие которых это стало необходимым. Хорошо будет даже то, если мы проведём это дело перед душой по возможности более точно. Вы знаете, что со всей доброй волей, - ибо эта добрая воля имелась у многих из вас, - было в так называемом теософском движении связано и то, как оно было основано благодаря Блаватской, и то, как оно было потом продолжено в устремлениях Синнетта, Безант, и так далее. Поистине нет необходимости, чтобы всё снова подчеркивать перед нашими членами и то множество злонамеренных искажений, которые приходили извне, и то, что ставшее антропософским движение исходило из самостоятельного центра, и как то, что мы теперь имеем, зародилось в лекциях, прочитанных в Берлине и опубликованных затем в сочинении о мистике средневековья. Можно всё снова отмечать, что благодаря этому сочинению существующее тогда теософское движение приблизилось к нам, а не мы к ним. Это теософское движение, в чьём фарватере мы должны были находиться в первые годы, существует и существовало не без связи с другими оккультными устремлениями 19 века, и в лекциях, прочитанных тут я уже указывал на эту связь. Но надо видеть наиболее характерное в этом движении.

Если мне придется, так сказать, конкретно указывать на наиболее отличительные признаки, то надо будет указать, - на что я уже часто, или, по крайней мере, иногда намекал, - на публикацию в журнале «Люцифер-Гнозис» того, что впоследствии получило название «Из Акаша-Хроники». Один представитель Теософского Общества, читавший это, спросил, каким путем данная вещь была извлечена из духовного мира? И из дальнейшего разговора с ним было очевидно, что речь шла о том, чтобы узнать, на каком более или менее медиумическом пути были достигнуты эти вещи. Человек не мог даже представить себе, что этого можно достичь с помощью иных средств, нежели те, когда человек, будучи медиумически предрасположен, держит своё сознание в подавленном состоянии и выносит нечто из подсознания, а затем записывает. Что же, собственно, лежит тут в основе? Человек, говоривший так, был далёк от того, чтобы представить, что такие вещи можно исследовать при полном сохранении бодрствующего сознания, и это несмотря на то, что он был обученным и чрезвычайно образованным представителем теософского движения. Многие члены этого движения были, в сущности, далеки от этого, поскольку

многие из них усвоили нечто из того, что в высшей степени наличествует в современной духовной жизни: известное недоверие к собственным силам познавательных возможностей человека. Человеческим познавательным силам не доверяли, не доверяли, что они могут открыть в себе силу для истинного проникновения во внутреннюю суть вещей. Находили, что познавательные возможности человека ограничены, что рассудок только мешает, - так они полагали, - если человек хочет с ним проникнуть в вещи; вот почему надо его погасить, приглушить. Человек будто бы должен проникать в суть вещей, без того, чтобы при этом был задействован человеческий рассудок. - Это имеет место в случае медиума, так как недоверие к человеческому рассудку придает этому импульсу авторитетный характер. Тут предпринимается экспериментальная попытка говорить с духом, полностью исключив понятийную познавательную деятельность.

Можно сказать, что теософское движение, в том виде, каким оно было в начале нашего столетия, было сильно проникнуто этим настроением; это настроение было там как у себя дома. Это настроение можно было почувствовать, исследуя с пониманием некоторые вещи, укоренившиеся в теософском движении как мнения, воззрения, взгляды. Вы знаете, что в девяностые годы 19 столетия, а затем в 20 столетии в теософском движении большую роль играла миссис Безант. К тому, что она должна была говорить, прислушивались. Её лекции являлись центральным пунктом работы в Лондоне, а также в Индии. И всё же стоило послушать, что говорили о миссис Безант личности из её окружения. 1902 году мне встретилось нечто очень значительное. Миссис Безант расценивалась во многих отношениях, - со стороны ученых мужей из её окружения, - как весьма малообразованная дама; но, в то время как с одной стороны сильно подчеркивали, что имеют дело с необразованной женщиной, с другой стороны всё же видели в том, можно сказать, не помраченном научными представлениями, наполовину медиумическом образе действий, которым она славилась, вспомогательное средство для получения познаний. Я мог бы сказать, эти люди не доверяли себе, чтобы самим получать познания. Они также не верили, что миссис Безант может получать познания в бодрствующем сознании. Однако, поскольку она, не получив научного образования, не пришла к полному бодрствующему состоянию, её рассматривали как в некотором смысле

средство, с помощью которого сообщения из духовного мира могли быть получены в физическом мире. Такая концепция, впрочем, выработывалась в её самом ближнем окружении. Так что можно сказать: такой способ производил впечатление, как если бы миссис Безант в начале 20 века выглядела как своего рода современная сивилла. В этом направлении можно было бы услышать именно в самом близком окружении отрицательные суждения относительно научного образования миссис Безант, можно было услышать, что её не считали способной критически относиться к своим внутренним переживаниям. Таково было настроение, которое, конечно, тщательно скрывалось, - я не хочу сказать, хранилось в тайне, - от большого круга теософских руководителей.

Кроме того, что здесь осуществлялось вследствие сивиллических способностей миссис Безант, в конце 19 века наряду с учением Блаватской, своего рода Библией в теософском движении была книга Синнетта, лучше сказать, книги Синнетта. В тесном кругу слышались разговоры о книгах Синнетта; в них столь же мало апеллировали к познавательным силам человека. В узком кругу придавали большую ценность тому, что Синнетт в своих публикациях не приводил ничего из своих собственных переживаний, своего опыта. Ценность такой книги как «Эзотерический буддизм» Синнетта видели именно в том, что содержание их целиком и полностью происходило из «магических писем», посредством писем, которые были получены, которые неизвестным образом были посланы на физический план, можно сказать, были подброшены; затем их содержание было просто переработано в книгу «Эзотерический буддизм».

Вследствие всех этих вещей даже в более отдалённых кругах теософских руководителей существовало настроение, которое было в высшей степени сентиментально-молитвенным. Некоторым образом взирали наверх к некой мудрости, которая упала с неба, и переходила в почитание личностей, что по-человечески понятно. Однако тут имело место стремление к сильной неискренности, которое можно было проследить в отдельных явлениях.

Так, например, я уже в 1902 году услышал, как в самом узком кругу в Лондоне говорили о том, что Синнетт является зависимым, подчинённым мыслителем, подчинённым духом. Тогда мне это говорила одна ведущая личность: да, Синнетта можно сравнить с журналистом «Франкфуртской газеты», перемещённым в Индию, это журналистский дух, которому

просто повезло, что он получает письма мастеров и журналистским образом использует их в книге «Эзотерический буддизм», что так нравится людям нового времени! - Но она также знала, что всё это имеется в широкой литературе, в широкой печати. Ибо в последние десятилетия 19 столетия и в первое десятилетие 20 столетия появился, не скажу «всемирный потоп», но некое наводнение из сочинений, назначением которых было каким-либо образом подвести человека к спиритуальному миру. Среди этих сочинений были и такие, которые стояли в непосредственной связи со старыми традициями, насколько они были сохранены в различных оккультных братствах. В сущности, это интересно, исследовать развитие этих традиций.

Я уже часто указывал на то, как во второй половине 18 века в кругу, чьим руководителем был Сен-Мартен, «неизвестный философ», древние традиции проявлялись соответствующим образом во всей полноте. И если сегодня человек возьмётся за сочинение Сен-Мартена, именно за «Истину и заблуждение», он найдет там очень, очень многое от того последнего облика, который принимала древняя традиция. Проследив эту традицию назад, можно достичь представлений, которые господствуют в конкретном, которые внедряются, проникают в действительность. У Сен-Мартена понятия стали уже теньвыми. Но они являются тенями тех понятий, которые когда-то были живыми, они теньвым образом в последний раз оживили древние традиции. Итак, мы находим у Сен-Мартена весьма здоровые понятия, но в той форме, которая является последней вспышкой. Особенно интересно видеть, как Сен-Мартен боролся с уже появляющимся тогда понятием материи. Откуда же постепенно появилось это понятие материи? Его становление обусловлено тем, что весь мир представляли себе как туман из атомов, которые каким-либо образом движутся и сталкиваются, и которые благодаря своей конфигурации вызывают всё то, что образуется вокруг людей как мир. Теоретически материализм, в сущности, достигает вершины вследствие того, что человек отрицает всё остальное, кроме этого мира атомов. Сен-Мартен ещё придерживался той точке зрения, что вся атомистика, вообще вера, что материя есть нечто действительное - есть бессмыслица, недоумие, как фактически и обстоит дело. Если вещи сводят к телам, которые нас окружают в химическом, физическом смысле, то, в конечном счете, приходят не к атомам, не к

материальному, но к духовным существам. Понятие материи является вспомогательным понятием; ничему действительному оно не соответствует. Ибо там, где, - используя выражение Дюбуа-Раймонда, - «материя является в пространстве подобно призраку», в действительности наличествует дух, и если хотят говорить об атомах, то в лучшем случае можно было бы говорить об атоме, как о наименьшем импульсе духа, причем, несомненно, ариманического. Таково здоровое понятие Сен-Мартена, такова его борьба с понятием материи.

Также весьма здоровым было у Сен-Мартена понятие, посредством которого он в живой форме указал на тот факт, что в основе отдельной, конкретной человеческой речи, языка, лежит некая универсальная речь. В прежнее время это можно было сделать, в сущности, лучше, чем в более позднее время, по той причине, поскольку человек ещё живо общался с той речью, которая среди всех современных языков ближе всего стоит к изначальной универсальной речи, к древнееврейскому языку, ибо в самих словах древнееврейского языка ещё можно почувствовать нечто от изливания духа; вследствие этого в самих словах можно ещё почувствовать нечто духовно-идеальное, нечто действительно духовное. Поэтому у Сен-Мартена вы ещё можете найти конкретно спиритуальные указания на то, что означает само слово «еврей» (Hebraeër). В той форме, в том виде, как он это воспринимает, видно, какое живое сознание ещё существовало об отношении человека к духовному миру. Ибо слово «еврей» связано со словом путешествовать (reisen): кто является евреем, так это тот, кто совершает путешествие по жизни, жизненное путешествие, который получает опыт, переживает в путешествии. Это живое пребывание в мире заложено в этом слове, но и заложено во всех других словах древнееврейского языка, если он реально ощущается.

В своё время Сен-Мартен не мог найти больше представлений - больше можно было бы найти только с помощью духовной науки, - которые точнее, сильнее указывали бы на изначальную речь. Но древний язык стоял перед его душой как предчувствие. Но тем самым он не имел абстрактного понятия о единстве человеческого рода, которое было сформировано в 19 столетии, но имел конкретное понятие об этом. Это конкретное понятие о единстве человеческого рода привело его, однако, к тому, чтобы, по крайней мере, в своём круге, полностью оживить некоторые духовные истины, например, истину о том, что

человек, если только он этого хочет, может вступить в общение с духовными существами высших иерархий. Это кардинальная фраза у Сен-Мартена, что каждый человек может вступить в общение с духовными существами высших иерархий. Но вследствие этого в нём живет нечто от древнего, настоящего мистического настроения, которое знало, что знание может приниматься не только в понятиях, - если это истинное знание, - но должно приниматься в некотором состоянии души, то есть после известной подготовке души. Тогда оно становилось спиритуальной жизнью души. С этим, однако, связана некоторая сумма требований, эволюционных требований к человеческой душе, притязающей на то, чтобы принять какое-либо участие в эволюции. С этой точки зрения интересно, как затем Сен-Мартен от того, что он достиг благодаря познанию, благодаря науке, - которая у него носила спиритуальный характер, - переходит к политике, когда он приходит к политическим понятиям. Ибо тут он выставляет точное требование: каждый правитель должен быть своего рода Мельхиседеком, своего рода правителем-священником.

Представьте себе, если это требование, которое было оценено в относительно малом кругу, появилось перед французской революцией, если бы это требование стало не вечерней, а утренней зарёй, если бы в сознание эпохи перешло нечто от мельхиседековского характера тех, кто своими представлениями и силами вмешался в человеческие судьбы, - то насколько иным должен был бы стать 19 век, нежели он стал! Ибо 19 столетие поистине отстояло, как возможно далеко от понимания того, что было только что характеризовано. Требование, чтобы политики проходили через школу Мельхиседека, само собой разумеется, сопровождалось смехом.

Следует указать на Сен-Мартена, поскольку в нём ещё было заложено нечто подобное последнему тлеющему отблеску мудрости, которая развивалась из отдаленной древности. Она должна была догореть, ибо человечество будущего должно было подняться к иному виду спиритуальной жизни. Оно должно было подняться к иной форме, поскольку никогда чистое сохранение, чистое традиционное продолжение старых представлений не соответствовало зародышевым силам человеческой души. Эти ещё неразвившиеся силы человеческой души имели тенденцию к тому, чтобы в ходе 20 столетия у большего числа людей, - это часто подчеркивалось, - произошло действительное прозрение в

эфирные процессы. Течение первой трети 20 века можно обозначить как критическое время, когда большое число людей должны будут обратить внимание, как в эфире, который живет вокруг нас также как и воздух, должны будут видны события. Мы особенно остро указывали на событие, которое должно быть увидено в эфире, если человечество не хочет впасть в деградацию: мы указывали на видение эфирного Христа. Необходимость этого должна наступить. И человечество должно подготовить себя, чтобы не дать по-настоящему засохнуть тем силам, которые уже имеются в зародыше. Эти силы не должны засохнуть, ибо, если допустить случай, что эти силы засохнут, что бы тогда произошло? Тогда в сороковые, пятидесятые годы 20 столетия человеческая душа в широчайших кругах приняла бы совершенно обособленную, изолированную форму. В душе поднялись бы понятия, действующие на неё угнетающим образом. Если только распространится и умножится материализм, то поднимутся такие понятия, которые, хотя и были в человеческой душе, но поднимались бы из подсознания, и относительно которых человек не знал бы причины, почему он их, собственно имеет. Удушающие кошмары в бодрствующем состоянии стали бы общим неврастеническим симптомом у большого числа людей. Люди стали бы говорить: я должен так думать, но не знаю почему; я должен думать о чём-то, но не знаю, почему.

Выработать что-либо против этого можно будет только благодаря тому, что в человеческие души будут насаждаться понятия, пришедшие из духовной науки. В ином случае силы прозрения поднимающихся понятий, приходящих идей, будут надломлены. И не только Христа, но и другие проявления эфирных свершений, которые человек должен увидеть, будут упущены человеком, пройдут мимо него. От этого он не только потерпит ущерб, но и должен будет развить те силы, которые являются болезненными эрзац-силами, заменой тех сил, которые должны были бы развиться здоровым образом.

Из инстинктивных потребностей широчайших кругов человечества изошло стремление, выразившее себя затем в потоке литературы и сочинений, о которых я уже говорил. Видите ли, как по отношению к тому, что проявлялось в самом теософском движении, а именно в Теософском Обществе, так и по отношению к другому наплыву всевозможных сочинений, работающих со спиритуальным, среднеевропейское антропософское движение особым

образом противостояло, ибо представляло собой особенное явление. Вследствие условий эволюции 19 и начала 20 века было возможно, что большое число людей находили духовную пищу в литературе, выявлявшей всё, что было возможно; большое число людей было страшно удивлено тем, что выступало благодаря Синнетту и Блавацкой. Однако последнее не совсем хорошо согласовывалось со среднеевропейским сознанием. Ибо для того, кто знает среднеевропейскую литературу, не было сомнения в том, что, например, можно просто стоять в фарватере среднеевропейской литературы и наравне со многими другими быть включенным в тот вздымающийся (литературный) прилив, ибо в среднеевропейской литературе имелось бесконечно много того, что хотели иметь спиритуально ищущие; и только вследствие своеобразия языка, с которым многие люди не хотели иметь дела, оно оставалось скрытым.

Мы часто говорили об одном из мыслителей, кто поистине может служить доказательством того, насколько спиритуальная жизнь может волиять и править в художественной литературе, в прекрасной духовной литературе: это Новалис. Мы с таким же успехом могли бы указать, будучи озабочены прозаическим настроением, - на Фридриха Шлегеля, который писал о мудрости Индии так, как пишет тот, кто не только воспроизводит мудрость Индии, но воспроизводит её из западного духа. Мы могли бы также указать на многое, что не относится к тому приливу, о котором я говорил, на многое, чей, так сказать, исторический абрис был характеризован мною в моей книге «О загадке человека». У таких людей, как Штеффенс, как Шуберт, как Трокслер можно найти всё это, но в гораздо более точном виде, на более высоком современном уровне, нежели в том литературном приливе, внезапно вторгшемся в последние десятилетия 19 и в начало 20 века. Надо сказать, что в сравнении с той глубиной, которая была заложена в Гёте, Шлегеле, Шеллинге, вещи вызывавшие удивление, в качестве якобы высокой мудрости, были поистине тривиальны, действительно тривиальны. Ибо, в конце концов, даже нечто такое как «Свет на пути» является чем-то тривиальным для каждого, кто принял в себя духовность Гёте, дух Гёте. Я считаю, что об этом не стоит забывать. Кто воспринял высокий порыв Новалиса или Фридриха Шлегеля, кому принесло радость сочинение Шлегеля «Бруно», для того вся эта теософская литература, в том виде, как она

выступила, есть нечто вульгарное и тривиальное, грубо-тривиальное. Вот почему мы стоим перед странным явлением; было много людей, которые имели серьёзную, прямую волю подойти к спиритуальной жизни, и которые, в конце концов, из-за своего духовного строя наши известное удовлетворение в характеризованной выше тривиальной литературе.

С другой стороны, развитие в 19 веке постепенно принимало такой характер, что научно образованные люди по причинам, которые я часто характеризовал, стали материалистическими мыслителями, с которыми было уже невозможно что-либо начать. Впрочем, если кто-то имеет твердое намерение работать над тем, что появилось на стыке 18 и 19 веков благодаря Шеллингу, Шлегелю, Фихте и другим, ему понадобятся, по крайней мере, некоторые научные понятия. Без них ничего не получится. Вот почему оказываются перед весьма странным явлением. Было невозможно своевременно вызвать то, что могло бы казаться желаемым, а именно, чтобы некоторое число, пусть даже малое число научно образованных людей было бы в состоянии сформировать свои научные понятия так, чтобы они могли найти точку соприкосновения со спиритуальной наукой. Вообще найти таких людей было совершенно невозможно, их совсем не было. В этом вообще состоит трудность, и эту трудность надо ясно иметь в виду.

Допустим, к антропософии обращаются, получив нынешнее научное образование. Если пройдя через нынешнее научное образование, став юристом, медиком, филологом - о теологии тут речи нет, - то в определенном возрасте для них делается необходимым действительно применять в жизни то, что, - не хочу сказать изучали, - но то, что она проходили, ибо этого требует жизнь. При этом у них уже нет больше склонности и гибкости, чтобы из своих понятий выработать нечто другое. Вот почему, если получивший научное образование человек обращается к антропософии, он чаще всего отталкивает её, несмотря на то, что от современного ученого требуется совсем немного, чтобы навести мост. Но он не желает наводить мост. Это смущает его, сбивает с толку. Для чего ему это нужно? Он учился тому, что требует от него жизнь, а нечто другое ему просто не нужно, поскольку это его сбивает с толку, поскольку это делает его неуверенным, как он полагает. Вот почему должно пройти ещё некоторое время, пока получившие образование ученые мужи нашего времени, - как их называют, - наведут мост, по крайней

мере, небольшое число таких мужей. Тут надо иметь терпение. Сделать это будет не так уж легко, особенно в некоторых областях. Однако перед тем, как в некоторых областях серьёзно возьмутся за наведение мостов, возникнут всё большие препятствия и задержки. Прежде всего, будет необходимо навести мосты в тех областях, которые сегодня представлены кругом разнообразных факультетов, за исключением теологического.

Юриспруденция всё больше и больше вырабатывает чисто понятийные шаблоны, которые сплошь и рядом непригодны, чтобы управлять жизнью. Несмотря на это они господствуют в жизни, ибо эта жизнь физического плана есть майя, - если бы она не была майей, они не могли бы господствовать в ней, - но когда их применяют, они всё больше и больше сбивают мир с толку. В сущности, применение современной юриспруденции, а именно гражданского права, только запутывает отношения. Только этого ещё не видят ясно. Как можно это увидеть? Исследуют не то, что возникает вследствие применения юридических шаблонов по отношению к действительности, но изучают юриспруденцию, то есть, становятся адвокатом или судьей, берут эти понятия и применяют их. Что получится из этого применения, их далее не заботит. Или всё же человек видит, какова эта жизнь, несмотря на то, что есть юриспруденция, которую очень трудно изучить; трудно изучить не только потому, что юристы обычно прогуливают первый семестр, но трудно изучить по другим причинам. Человек видит эту жизнь, видит, как она запутана, и очень ругается.

В медицине дело обстоит ещё серьёзней. Медицина действительно, - если она и дальше будет развиваться так, как она развивалась со второй трети 19 столетия, - будет полностью доведена до абсурда. Она превратится, в конце концов, в абсолютную медицинскую специализацию. Но тут дело зашло дальше, нежели было необходимо, чтобы усилить эту тенденцию, - ибо эта тенденция имела и нечто положительное, - теперь эту тенденцию следовало бы преодолеть. Так материалистическое направление в медицине довело хирургию до известной высоты; но только вследствие односторонности медицины хирургия смогла достичь того совершенства, которого она достигла. Но медицина как таковая, пострадала от этого; она должна посредством скачка подвигнуться к одухотворению, против чего сегодня необычайно сильно вооружаются. - Больше всего спиритуализация нужна для всего того, что вязано с

педагогикой. Об этом мы многократно говорили. Здесь повсюду надо наводить мосты.

Прежде всего, - несмотря на то, что это кажется наиболее отдаленным, - необходимо, чтобы мосты к спиритуальной жизни были наведены от техники, от непосредственной жизненной практики. Ибо пятая послеатлантическая эпоха имеет дело с развитием материального мира, и если человеку не суждено полностью дегенерировать, то есть, стать всего лишь продолжением, придатком машины, вследствие чего он будет не более, чем животное, то необходимо найти путь от машины к спиритуальной жизни. Для технического практика, прежде всего, необходимо, чтобы он воспринял в свою душевную жизнь спиритуальный импульс. Это произойдет в тот момент, когда технических студентов хотя бы совсем немного больше, чем сейчас будут приучать к мышлению, чтобы они связывали между собой отдельные вещи, которые им преподносят. Сегодня этого ещё не делают. Они слушают математику, они слушают начертательную геометрию, они иногда слушают аналитическую геометрию; они слушают чистую механику, аналитическую механику, техническую механику, они слушают затем разные отдельные, более практические предметы, но связи между отдельными предметами они совсем не ищут. В тот момент, когда эти люди будут, так сказать, побуждены применить здоровый человеческий рассудок по отношению к этим предметам, тогда они будут, - просто вследствие стадии развития, на которой стоят данные отрасли, - будут побуждены проникать в суть этих предметов, а тем самым и в спиритуальное. Действительно, исходя именно от машины, надо будет искать путь в спиритуальный мир.

Всё это я говорю, чтобы указать на трудность, имеющуюся сегодня в духовнонаучном движении, поскольку оно ещё не может найти тех, кто был бы пригоден для создания ауры принимаемой всерьёз. По большей части это движение страдает от того, что его не принимают всерьёз. Достоинство внимания то, как это происходит во всех отдельных случаях. Если бы то, что появляется, появлялось без того, чтобы люди говорили: это написал тот, кто состоит в Теософском Обществе, - то оно воспринималось бы более серьёзно, оно понималось бы совершенно иначе. Но просто оттого, что данный человек состоит в теософском движении, на вещь навешивается ярлык, который содействует тому, чтобы эту вещь не принимали всерьёз. Очень важно принять это к сведению. По мелочам могут выступить против, из-за

настоящих мелочей. Я хочу для примера указать на одну мелочь, потому что в последние дни она встретилась мне, указать не из нелепого тщеславия, но просто потому, чтобы обратить ваше внимание на то, как обстоит дело.

В моей книге «О загадке человека» идет речь о *Карле Христиане Планке*, как одном из тех мыслителей, которые, исходя из некоторых основ, прорабатывались к спиритуальности, хотя и в абстрактной форме. Я писал о Карле Христиане Планке не только в этой книге, но и подробно говорил в целом ряде городов в последнюю зиму о Карле Христиане Планке, и, указывая на то, как его недооценивали, как неправильно понимали, указывал, прежде всего, на одно обстоятельство. Я настоятельно указывал на то обстоятельство, что этот человек ещё в восьмидесятые, семидесятые, шестидесятые, пятидесятые годы (19в.) обдумывал вещи, относящиеся к связи индустриальной и социальной жизни, вещи, которые следовало бы осуществить. Если бы тогда нашелся кто-нибудь, кто с пониманием внедрил бы в практику социальной жизни то, что этот человек развивал в идеях, идеях, дружественных по отношению к действительности, тогда, - я не преувеличиваю, - вероятно, этих страданий, которые переносит теперь человечество, не было бы у человечества, ибо они по большей части связаны с тем, что человечество живет, имея совершенно фальшивую социальную структуру. Я указывал на то, что существует как бы некая обязанность, не подпускать людей к тому, к чему пришел Карл Христиан Планк, который, в конце концов, был отчужден от всякой любви к миру внешней физической действительности. Планк был швабом и жил в Штутгарте, он был лишен в Тюбингене философской доцентуры, которая предоставляла ему возможность немного действовать; я вполне намерено указывал на то, что этот человек в своем сочинении «Завет одного немца» пришел к тому, что в предисловии сказал: «Никогда мои кости не должны лежать на родине». Это было острое слово. Как раз такое слово, которое могло бы дойти до современных людей и касалось тупости тех людей, кто не хотел видеть того, что не противоречило действительности. Я намеренно цитировал это в Штутгарте, ибо именно там находилась «малая родина» Планка. Тогда, в сущности, реакция была слабой, несмотря на то, что уже имелись события, которые показывали, что он был недалек от понимания этих дел.

Сейчас же напротив, примерно полтора года назад в швабских газетах появилась статья:

«Карл Христиан Планк. Не просто кто-то в отдельности, но не один дальновидный ум предсказывал современную войну. Однако никто не прочувствовал так точно её полного объёма, никто так остро не понимал её причин и следствий, как наш швабский соплеменник Планк».

Я говорил тогда: Карл Христиан Планк столь точно предсказал эту мировую войну, что настоящим образом указывал на то, что Италия не встанет на сторону сил Средней Европы, несмотря на то, что союз тогда ещё не был заключен и был лишь взят курс на вынесение такого решения.

«Эта война казалась ему неизбежной целью, на которую взяло курс политическое и экономическое развитие последней половины столетия».

Это действительно так!

«Но как он разоблачил ущербное, вредное начало своего времени, так указал он и дорогу, которая могла бы вести нас к другому состоянию».

Это важно! Но никто не услышал!

«От него мы узнаём глубокие причины разрастания войны, и другие чёрные пятна, обнаружившиеся наряду со столь многим прекрасным и радостным в картине современной народной жизни. Но ему известны также и глубинные внутренние силы народной жизни; он знает, как можно высвободить их, чтобы создать нравственное и правовое обновление, тоскуя по наилучшим из нас. Несмотря на все болезненное разочарование, которое уготовали ему его современники, он верил в эти силы и их победоносное проявление».

Тут он доходит до высказывания, которое я цитировал вам!

«Вот почему в широких кругах с благодарностью приветствовали то, что дочь философа в ближайшее время

хочет выступить с рядом открытых докладов, как введению в социально-политические идеи Планка».

Интересно, что дочь философа выступает через полтора года. Эта заметка появилась в одной штутгартской газете. В ту пору, когда с моей стороны в Штутгарте было со всей ясностью было указано на философа Карла Христиана Планка, вообще никто не обратил на это внимания, никто не почувствовал стремления как-нибудь познакомиться с этим. Спустя полтора года выступила дочь, которая, очевидно, жила в то время, когда умер отец, - это было в 1880, - и ожидала до сей поры, чтобы выступить с открытыми докладами о нём.

Вот один пример, который можно не только удешевить, но и найти сотни; из него всё снова и снова обнаруживается, как трудно добиться оценки наиболее широкомасштабного в духовной науке, так и практически конкретного, несмотря на их абсолютную необходимость. Ибо только благодаря наиболее широкомасштабному, всеохватывающему в духовной науке, - это ещё надо понять, - возможно исцеление для того, что живет в культуре нашего времени.

То, что мы называем антропософски ориентированной духовной наукой, было необходимо удерживать в фарватере серьезности, от которого всё больше и больше отходило теософское движение. Дух, который был осмыслен во времена древнегреческой философии, должен был проникнуть в эти вещи, даже если вследствие этого возникало мнение, что тексты трудно читать. Иногда это было действительно нелегко. Ибо именно внутри движения это наталкивалось на самые большие трудности. И одной из самых величайших трудностей была та, что более десятилетия потребовалось на то, чтобы преодолеть основную абстракцию. Надо было медленно и терпеливо работать, чтоб преодолеть основную абстракцию, которая принадлежала к наихудшему, к самому вредному в нашем движении. Эта основная абстракция попросту состояла в том, что придерживались слова «Теософия» будучи безразличны к тому, - если нечто называло себя «теософским», - было ли это действительной эманацией духовности современной жизни, или чем-то непроработанным, или просто вздором. Если это называли «теософским», то это становилось в равной степени правомерным, ибо требовалась «теософская толерантность». И только совсем медленно и постепенно стало возможно противиться такому подходу; ибо нельзя было

говорить всё с самого начала, это показалось бы дерзостью, должно было возникнуть чувство, что между этими вещами всё же есть разница, и что использовать в этом смысле толерантность есть ничто иное, как проявление абсолютнейшей бесхарактерности в суждениях. Тут дело в том, чтобы работать над таким знанием, над такими познаниями, которые возвращают действительность, которые можно сочетать с требованиями действительности. С требованиями действительности можно сочетать только духовную науку, которая работает с понятиями нашего времени. Не просто жизнь в приятных теософских представлениях, но борьба за духовную действительность, - вот то, к чему следует стремиться.

Некоторые люди сегодня не имеют понятия о том, что означает пробиваться к действительности, поскольку ещё не хотят уяснить себе, что понятия, с которыми работают сегодня, непригодны. Позвольте мне провести маленькую пробу относительно борьбы за действительность в представлениях из области, кажущейся отдаленной. Потерпите, что я приведу нечто отвлеченное, абстрактное, это будет сделано лишь вкратце.

В 19 веке всегда находились отдельные люди, которые обходились с действительностью так, что им приходилось иметь дело с совершенно новыми представлениями о жизни, жизненными представлениями не только в тривиальном смысле, но теми жизненными представлениями, которые необходимы в практической жизни. Так в определенное время в 19 веке принятые со времен древнего Евклида понятия о параллельных прямых, обветшали. Когда две прямые линии являются параллельными? Кому же неясно, что две прямые являются параллельными тогда, если они не пересекаются, сколько бы их не продолжали! Таково определение: две прямые параллельны, если они, сколько бы их не продолжали, не пересекаются. В 19 веке были люди, которые всю жизнь свою положили на то, чтобы внести ясность в это понятие, поскольку перед точным мышлением оно не могло устоять. Я хотел бы зачитать вам одно письмо, которое написал один из обоих Больяйев, *Вольфганг Больяй*, чтобы показать вам, что значит борьба за представления. Математик Гаусс начал задумываться над тем, что определение: две прямые параллельны, если они на бесконечном удалении не пересекаются, - в сущности, ничего не говорит, является пустой говорильней. И старший

Большая, отец, был другом и учеником Гаусса, и он побудил своего сына, младшего Большая. Отец пишет сыну:

«Заклинаю тебя Богом, - не пытайся заниматься с этими параллельными; я знаю этот путь до конца - у меня тоже были бессонные ночи, они погасили всякий свет, всякую радость в моей жизни! Оставь учение о параллельных прямых в покое. Ты должен иметь к этому такое же отвращение, как перед дурной компанией, которая может погубить весь твой досуг, твоё здоровье твой покой и всё счастье твоей жизни. - Этот бездонный мрак может поглотить тысячу исполинских ньютоновских башен, его никогда не осветить до земли; убогий человеческий род никогда не имел ничего совершенно чистого, даже в геометрии; это глубокая и вечная рана в моей душе; храни тебя Бог, чтобы эта проблема не въелась в тебя глубоко. Эти параллельные похищают любовь к геометрии, к земной жизни; я был готов пожертвовать собой ради истины; я был готов на мученичество, чтобы вручить человечеству геометрию, очищенную от этого позорного пятна. Жуткую, колоссальную работу проделал я, в дальнейшем достигнув лучшего, нежели было до сих пор достигнуто, но не нашел совершенного удовлетворения; тут верно *si paullum a summo discessit, vergit ad imum.* (если немного отступишь от верха, попадешь в низ). - Я вернулся назад, когда увидел, что в этой ночи от Земли достичь дна нельзя, вернулся без утешения, сожалея о себе самом и обо всей семье. Учись на моём примере; когда я познакомился с параллельными, я ещё не знал, что они отнимут у меня моё время и все цветы моей жизни. Здесь корень всех моих позднейших ошибок, которые дождем посыпались из домашних туч. - Если бы я смог открыть (тайну) параллельных, я стал бы ангелом, даже если бы никто не узнал, что я это открыл.

...Не пытайся, ты не обнаружишь ничего, что при непрерывном загибании одной и той же меры нижняя прямая будет пересечена, в этой материи вечно находится циркуль, вращающийся в обратном направлении - лабиринт, всегда манящий того, кто отказывается от себя, становится нищим, как закопавший сокровище, и остается в незнании. Считай это вечным абсурдом, всё напрасно, ты не можешь представить это иначе как аксиому...;

...В этой области стоят Геркулесовы столбы, не делай ни шагу дальше, иначе ты пропал...»

И, тем не менее, молодой Больяй пошёл по этому пути дальше, и всю свою жизнь в ещё большей степени, чем его отец использовал на то, чтобы придти к конкретным понятиям в той области, где вполне реальные понятия есть только видимость, лишь пустая болтовня. Он хотел открыть, есть ли действительно нечто такое, как две прямые, которые не пересекаются на бесконечном удалении; ибо ещё никто не пробегал на это бесконечное расстояние, так как для этого потребовалось бы бесконечное время, а оно никогда не истечёт. Это пустая болтовня. В наиболее отдаленных понятийных разветвлениях содержится эта чистая болтовня, содержатся лишь тени понятий. Я хотел всего лишь обратить ваше внимание на абстракции, на то, что является отвлеченным, для того, чтобы вы видели, сколь основательно страдали люди 19 столетия от абстрактности понятий. Интересно видеть, что в то время, как во всех школах учили: параллельные прямые те, которые не пересекаются, как бы долго их не продолжать, - имелись отдельные мыслители, для которых работа в этом направлении стала адом, поскольку они пытались проникнуть к реальным понятиям, а не к понятийным шаблонам.

Да, это борьба с действительностью, это то, в чем тут дело; люди в наше время в большей или меньшей степени бегут от неё, не хотят её, так как «прозревают», или верят, что прозревают, что у них будто бы есть «высокие идеалы»! Дело не в идеалах, но в импульсах, работающих с действительностью. Представьте себе, если бы здесь предстал некто и говорил прекрасные слова: должно, наконец, придти время, когда самые прилежные обретут надлежащее внимание в жизни. - Это весьма прекрасная программа! Можно даже основывать сообщества с программой чтобы реформировать общество так, что самые усердные в нем займут подобающее им место; на этой фразе можно даже создать науки о государстве. Но дело совсем не в такой фразе, а в том, насколько это наполнено действительностью. Ибо, что пользы от того, если этой фразе придают такую цену, что она выступает во многих сообществах в качестве первого программного пункта; ведь люди, которые обладают властью, в качестве самых прилежных будут рассматривать своих племянников! Дело не в том, чтобы придавать цену абстрактной фразе о том, что

самые усердные должны занять подобающее место, а в том, способны ли люди найти действительно усердных, а не своих племянников! Надо понять, что абстрактные понятия повсюду оказываются в жизненных оврагах, что они падают в жизненные пропасти, что они ничего не значат, и что всё наше время заполонили громкие прекрасные понятия, против которых, при всей их понятийной красоте и возразить то нельзя; однако дело в понимании действительности, в познании действительности.

Давайте представим себе, что лев захотел бы обосновать мировой порядок для животных, захотел бы учредить земное царство, чтобы оно было справедливо. Что стал бы делать лев? Я не считаю, что льву могло бы придти в голову стремиться к тому, чтобы маленькие животные пустыни, которых лев обычно пожирает, имели бы возможность не быть пожранными львом! Я не верю в это; нет, лев стал бы рассматривать, как своё законное право - пожирать мелких животных, которые ему встретились. И наоборот; льву могло бы придти в голову, в море, например, установить справедливое наказание, чтобы акулы не пожирали маленьких рыбок. Это могло бы подойти; могло бы случиться даже так, что лев установил бы плодотворный, добрый порядок среди животных, так, чтобы в море, на Северном полюсе и везде, где лев не у себя дома, животные были бы свободны, и у них всё было бы хорошо. Но вот пришло бы ему в голову установить точно такой же порядок в своей львиной области, остается вопросом. Этот лев очень хорошо знает, что такое справедливый мировой порядок, и он будет успешно применять его к акулам.

Но поговорим не о львах, поговорим о Хунгарикусе. Недавно я сказал вам, что появилась одна маленькая брошюра: «Условия мира в Германии». Курс этой брошюры совпадает с фарватером той карты европейских стран, первые сообщения о которой содержатся в знаменитой ноте Антанты Вильсону относительно расчленения Австрийской Империи. Мы об этом говорили. Хунгарикус, по существу совершенно согласен со всем в этой карте, за исключением Швейцарии. Сначала он говорит очень мудро, - насколько мудро говорит теперь большинство людей, - о праве наций, даже о праве маленьких национальностей, о праве государств совпадать с национальными силами и так далее. Всё это, само собой разумеется, весьма прекрасно, так же как прекрасна и фраза о том, что самые прилежные должны получать свое законное место. Пока остаются с этими тенями понятий, можно

облизывать себе пальцы, будучи абстрактным идеалистом и читая Хунгарикуса. Для швейцарцев читать Хунгарикуса ещё приятнее, по той причине, что на приведенной мною карте, Хунгарикус не урезает Швейцарию, а даже увеличивает её; он приписывает ей альпийские предгорья и Тироль. Поэтому я именно швейцарцам советую почитать Хунгарикуса, вместо того, чтобы придерживаться той карты. Но он делит и остальной мир. Можно сказать, он предоставляет всем, всем народам, даже самым маленьким своего рода абсолютное право свободного развития - причем он не считает, что он со стороны Антанты чем-либо возбуждает сопротивление. Он немного приукрашивает эти слова: в случае Богемии он говорит о самоопределении, о самостоятельности, в случае же Ирландии, он, само собой, говорит об автономии. Ну что ж, так делают, не правда ли! Эти дела можно причислять. Итак, мир справедливо нарезан, мир Европы тоже прекрасно разделен, так что за исключением тех вещей, на которые я только что указал, - чтобы не вызвать столкновения, - действительно пытаются наделить маленькие нации теми государствами, относительно которых представители Антанты полагают, что для этих национальностей те маленькие области являются родиной. Дело в меньшей степени решается тем, а действительно ли эти области принадлежали этим национальностям, нежели тем, считают ли на той стороне, что они им принадлежали. Итак, он приложил прекрасные усилия, чтобы поделить мир: мир, расположенный вне пустыни, - ах, пардон, - вне Австро-Венгрии, ибо для Венгрии он использует своё львиное право! Для акул он предоставляет полную свободу! Однако мадьярская нация - это его нация, так что она должна охватить не только то, что ей принадлежит теперь, но стать ещё больше, - хотя мадьяр в ней меньшинство, а большинство составляют другие народы. Итак, тут прямо-таки настоящий лев.

Тут видно, как сегодня создаются понятия, как сегодня думают. Надо изучать, насколько необходимо теперь найти переход мышлению, насыщенному действительностью. Для этого необходимы понятия, которые я приводил вам здесь. Я хочу показать однажды, и должен показать, как спиритуальное мышление ведет к идеям, соответствующим действительности. Повсюду дело в том, чтобы связать с вещами правильные мысли; тогда узнают, соответствует ли вещь действительности, или нет.

Возьмите, например, нынешнюю ноту Вильсона к Сенату. Она является образцовым примером и может оказаться действенной; но дело не в том, а в том, что она содержит «тени понятий». Если она и оказывает воздействие, то это вследствие запутанности, смутности времени, на которое именно путаница может оказывать некоторое влияние. Возьмите эту вещь совершенно объективно, но попытайтесь построить понятие, с помощью которого вы могли бы измерить степень действительности, степень содержания действительности, которую с этими теневыми понятиями едва ли можно связать. Вам надо всего лишь поставить один вопрос: разве такая нота не могла быть написана в 1913 году? Все те идеальные вещи, которые там стоят, могли бы быть написаны в 1913 году в точности так, как стоят они там сегодня! Видите ли, это мышление не соответствующее действительности, оно верит в абсолютное. То, что в любое время возникает «абсолют» свидетельствует о мышлении, не соответствующем действительности. У современности отсутствует талант, чтобы увидеть несостоятельность этого мышления, его несоответствие действительности, ибо смотрят только на правильность, в то время, как дело в том, соответствует ли это действительности.

Вот почему в моей книге «О загадке человека» я настоятельно подчеркивал, что надо обращать внимание не только на логичность, но и на соответствие действительности. Всего лишь один вывод, который принимает в расчет факты современности, непосредственной современности, имел бы большую цену, нежели вся фразеология. Возможно, в исторических документах можно будет увидеть, как то, о чём тут говорится, уж связано с реальностью, ибо постепенно на поверхность выносятся те люди, которые хотят править миром на основе абстракций, что и привело к этому нынешнему состоянию, в то время как настоящее мышление, которое проникает в суть дела, повсюду находит действительность. Она располагается, так сказать, столь близко, эта действительность! Вы только подумайте: возьмите это реальное понятие, это понятие действительности, которое в последние дни я уже приводил здесь с другой точки зрения, когда я показывал, как с Юга наверх, - это тогда должна была бы быть Италия, - устремляется клерикальное, культовое начало, создающее себе оппозицию в среднеевропейском протестантизме; как с Запада формируется дипломатически-политическое начало, опять-таки создающее себе оппозицию, как с северо-востока

образуется меркантильное начало, которое снова создает себе оппозицию, так что в Средней Европе по необходимости должна существовать оппозиция из общечеловеческого начала. Ещё раз поставим перед собой эти излучения.

Рисунок.

Уже в четвертую послеатлантическую эпоху начали, - что было прогрессом по отношению к древности, когда говорили о подразделении на четыре касты, - это подразделение представлять несколько иначе. Платон говорил о профессии преподавателя, сословии учителей; сословие учителей - это те, кто имел приоритет в древнем Риме, клерикальном, папистском Риме. Сословие учителей исходило из того, чтобы единственно и только для себя устанавливать догматическую фиксацию истины и не позволять никому устанавливать истину от себя. Только исходя отсюда, распространялось учение, учение даже о самых высших вещах.

Политически-дипломатическое начало явилось, хотя и в другой местности ничем иным, как платоновским военным сословием. Я уже сообщал вам, что, несмотря на так называемый прусский милитаризм, военное сословие сложилось именно во Франции, после того, как его основные принципы были созданы в Швейцарии. Исходя оттуда, военное сословие, естественно, создало себе оппозицию вследствие того, что оно хотело бы задержать у других то, на что само претендовало. Это военное сословие хотело, используя солдат, господствовать над миром; если же ему откуда-то со стороны противостоял солдатский элемент, оно считало это несправедливым, точно так же как и Рим считал несправедливым, если ему с другой стороны противопоставлялось нечто о мировых истинах. Здесь с таким же успехом мы могли бы меркантильное начало обозначить как «кормящее сословие». То, что поистине в своей глубочайшей внутренней сущности соответствует этому третьему фактору, - это «кормящее сословие». Вы только обдумайте это, вы только медитируйте над этим. Что будет тут задерживаться, утаиваться? Само собой разумеется, продукты питания! *(ответ на вопрос, кто организовывал голод в 20 веке? - примеч. перев.)*

И если вы правильно используете понятия Платона, используете в соответствие с действительностью, тогда вы всюду откроете, обнаружите эту действительность. Тогда ваши понятия будут выработаны так, что с этими понятиями вы сможете погрузиться в действительность. Исходя из понятий, вы должны найти путь в действительное; вы должны найти понятия вплоть до самых конкретных проявлений действительности. Тени понятий ни в чём не обретают действительность, но с помощью этих понятийных теней можно болтать обо всём, можно всё идеализировать, в то время как вы, если вы работаете с настоящими понятиями, будете понимать вещи вплоть до отдельных подробностей.

Здесь вы видите перед собой задачу духовной науки: она ведёт к таким понятиям, посредством которых вы поистине сможете раскрыть жизнь, которая, в сущности, есть творение духов; посредством их вы сможете, однако, вести повсеместную борьбу за то, чтобы реальным образом сотрудничать с этой жизнью.

В отношении одного понятия необходимо, - особенно сегодня, когда судьба так сильно загнала человечество вниз, - мыслить в соответствие с действительностью; ибо недействительные понятия особенным образом сближаются с этой областью. Наиболее далекие от действительности речи ведут сегодня пасторы, когда они говорят где-либо о какой-либо области. Наиболее далекие от действительности речи они, конечно, ведут об этой войне, ибо, когда они описывают, как в этой войне нашло своё выражение христианство, или Божественное сознание, - это все равно, что, как говорится, карабкаться не стену. От этого возникает нечто страшное. С этой стороны и в других областях часто исходит нечто страшное, но именно в этой области дело доходит до абсурда.

Возьмите в руки тексты о войне, которые появляются сейчас с этой стороны в качестве проповедей или чего-то иного, и посмотрите их с точки зрения здравого человеческого рассудка, здравого смысла. Ближе всего оказывается тут то, где говорится: должно ли человечество подвергаться тяжкой, болезненной судьбе? Разве Божественно-духовные силы не могут вмешаться непосредственно на благо человечества, чтобы привести его к этому благу? Здесь надо было бы сказать: с блеском высшей правоты говорят это, однако при этом отсутствует понятие, соответствующее действительности, ибо это не отвечает тому, на чем с этой точки зрения основана действительность.

- Я хочу посредством сравнения пояснить вам, в чём тут дело.

Человек известным образом организован. Он принимает продукты питания; продукты питания организованы или устроены так, что человек может продлить свою жизнь. Представьте, что если бы человек отказался принимать пищу, он стал бы тощим, больным, наконец, голодным. Надо ли говорить, что тут проявляется слабость и злость Бога, Который позволяет человеку голодать, хотя тот сам совершенно не желает есть? Никакой слабости Бога в этом нет. Божество создаёт средства питания, человеку нужно всего лишь есть. Мудрость Божества обнаруживается в том, что средства питания поддерживают человека; если же он отказывается принимать их, то он не должен пенять на Бога, Который, будто бы позволяет ему голодать.

По аналогии перенесите это на другое: человечество должно рассматривать духовную жизнь как средство питания. Божества предоставляют их, но ведь надо их употреблять. Так что говорить: боги должны непосредственно вмешаться, - значит, ничто иное, как сказать: если я не хочу кушать, Господь Бог обязан насыщать меня иным образом. - Благодаря исполненному мудрости мировому порядку всегда имеется в наличии то, что может привести к исцелению, ко благу, но человек должен вступить в соответствующие отношения с этим. Вот почему столь необходимая в 20 веке спиритуальная жизнь не может наступить сама собой, но люди должны бороться за неё, они должны сами принять её. Если же они её не примут, то наступят всё более и более мрачные времена. То, что происходит внешне, есть всего лишь майя, ибо внутренняя связь такова, что в современности древнее время борется с новым временем. В настоящее время всюду поднимается борьба общечеловеческого начала против того, что стоит в отдельности. И если сегодня полагают, что нации борются друг с другом, - это майя, - на эту майю я уже указывал с различных точек зрения, - это всего лишь то, - если эти вещи группировать по тому или иному признаку, что не точно соответствует внутреннему процессу: в действительности тут заложены совершенно иные противоречия. Тут заложено противоречие между старым и новым. Здесь вступают в борьбу совершенно иные законы, нежели те, которые традиционно правила миром.

И опять-таки, было майей, - то есть тем, что выступает в фальшивом облике, - было майёй то, как проявили себя эти

другие законы в социальной жизни. Социализм не является тем, что связано с истиной; прежде всего, он не связан со спиритуальной жизнью, но он представляет собой нечто такое, что хочет быть связано с материализмом. То, что хочет пробиться, - это всестороннее, гармоническое человеческое начало по отношению к односторонности учительского, военного и кормящего сословий (состояний). Борьба будет, несомненно, длиться долго, но она может вестись самыми разными способами. Если бы в 19 веке обратились, - в смысле Планка, - к здоровой практике жизни, то кровавая практика первой трети 20 века была бы, по крайней мере, смягчена. На основе идеализма смягчить эти вещи невозможно; но это возможно, если думать реалистически, а думать реалистически - всегда означает думать спиритуально.

Точно также можно сказать: то, что должно произойти, всё же должно было произойти. То, что поднималось наверх, должно было полностью испытать всё это, для того, чтобы соединить с душой спиритуальность, чтобы пробудиться спиритуально. Трагическая судьба человечества состоит в том, что поднимающиеся наверх, выдающиеся люди хотят подниматься не под знаком спиритуальности, а под знаком материального. Это, прежде всего, приводило их к конфликту с теми братствами, которые, по большому счёту, хотели материалистически развивать импульсы меркантилизма, материалистически развивать индустриально-коммерческую сущность. Ибо в этом состоит главное столкновение современности: другие являются всего лишь сопутствующими явлениями, зачастую страшными сопутствующими явлениями. Именно это видно в этой страшной майе. Однако эти вещи могут быть достигнуты по-разному. Так было бы необходимо, чтобы вместо агентов этих братств, властью обладали бы другие люди. Ведь тогда мы бы уже вели мирные переговоры, тогда бы не проглядели рождественский призыв к заключению мира!

Было бы чрезвычайно трудно отыскать в отношении некоторых вещей ясные, несущие действительность понятия и идеи; но каждый должен пытаться найти их в своей области. Тот, кто немного проник в смысл духовной науки, и этот смысл духовной науки сравнивает с другим, выступающим в современности, тот увидит, что духовная наука является единственным путём к достижению понятий, наполненных действительностью.

Вот с какими серьёзными словами хотел я обратиться к вам в это время, чтобы некоторым образом показать, - несмотря на то, что задача духовной науки может быть понята только из духа, а не посредством внимания к тому, что сегодня обсуждалось, нет, только посредством познания, из самого духа, - какое, однако, значение имеет существо духовной науки для современности и как необходимо было бы, чтобы всё то, что может произойти, чтобы сделать духовную науку известной, действительно произошло. Необходимо, чтобы мы в это тяжкое время приняли духовную науку не только в свои головы, но приняли её в своё горячее сердце. Ибо только в том случае, если мы примем её в огонь нашего сердца, мы будем в состоянии развить силы, в которых нуждается современность. И тогда пусть никто не думает, что он на своём месте, будто бы, не подходит, чтобы делать то, о чем идет речь. Каждый на своём месте благодаря карме найдёт возможность, в правильное время поставить перед судьбой соответствующие вопросы. И если это правильное время наступит не сегодня и не завтра, так или иначе оно придёт. Дело в том, что надо прочно и уверенно стоять в импульсах этого духовного движения, если однажды его понял. Особенно сегодня необходимо, эту прочность и уверенность поставить себе как цель. Потому что нечто значительное в каком-то отношении произойдёт в ближайшее время, - что может быть, но на что нельзя рассчитывать, - или все жизненные отношения встретятся с большими затруднениями. Если кто-то не желает уяснить себе это, проявляет необдуманность, недомыслие. Два с половиной года длится то, что теперь называют войной, и условия пока остаются сносными, терпимыми, как они были до сих пор; однако в следующем году так не будет. Таким движениям как наше, придется перенести испытания. Тут нельзя говорить: когда мы соберемся снова? - или: почему мы не собираемся? - или: почему не появляется то или иное? - но надо будет, даже через угрожающие времена пронести в своём сердце надежное чувство взаимной принадлежности.

Именно теперь хотел я обратиться к вам с этим словом, поскольку возможно, что в не очень отдаленное время не будет транспортных возможностей, чтобы мы снова собрались вместе; я не имею в виду визовые возможности, но транспортные возможности. Ибо эти вещи могут не прийти в порядок в течение такого времени, которое погасит всю культурную жизнь, если в эту культурную жизнь ворвется то, что, хотя и происходит из этой культурной жизни, но в

высшей степени противоречит ей. Но именно вследствие этого существует тот абсурд, что из самой жизни происходят вещи, которые затем противоречат ей самой. Так и нам следует понять, что для нашего движения могут наступить тяжелые времена. Но они не смутят нас, если мы обрели внутреннюю уверенность, ясность и истинное чувство относительно значения и сущности нашего движения; если мы в столь серьёзное время можем отстраниться от личного. Наше движение должно прилагать силы к тому, чтобы подняться над отдельной личностью даже во взглядах, направить наш взгляд на великие свершения человечества, которые поставлены на карту. Но самым большим является всё же следующее: достигнуть понимания реального, соответствующего действительности мышления. – На каждом шагу, повсюду мы встречаемся с невозможностью обрести реальное, соответствующее действительности мышление. Человек должен всем своим сердцем участвовать в таких делах, и тогда эгоизм не сможет ввести его в заблуждение в частностях.

Вот то, что я вам сегодня хотел бы пожелать, как бы на прощанье, поскольку мы должны будем на некоторое время проститься. Сделайте же себя настолько сильными, - даже на тот случай, когда это не понадобится, - чтобы ваше сердце в душевном уединении могло нести то, что пульсирует в духовной науке, то, чем мы хотим заниматься здесь. Уже одна мысль, что мы хотим быть верными, может помочь, и очень помочь; ибо мысли есть действительность. Некоторые трудности, которые предстоят, могут быть устранены благодаря тому, что мы предпримем искренние, серьёзные поиски в том направлении, которое нынче часто обсуждалось здесь.

Пока это не возлагается на нас, тех, кто некоторое время должен будет находиться далеко отсюда; эти заботы мы понесем, если сможем собраться снова. Но даже в том случае, если на это понадобится долгое время, и заботы должны будут возложены на других, мы никогда не дадим исчезнуть из наших сердец, из наших душ тем мыслям, которые в этом центре, там, где наше движение воплотилось в видимое здание, мыслям, отвечающим самым интенсивным требованиям придерживаться нашего движения так позитивно, так конкретно так энергично, чтобы мы действительно сообща перенесли то, что может придти. Поэтому, где бы мы не были, мы будем верно, интенсивно и сердечно вместе пребывать в мыслях и слышать друг друга,

даже если и не с помощью физических ушей. Мы будем слышать друг друга, если только мы будем искать этого слышания в сильных мыслях, а не в сентиментальностях. Для сентиментальности наше время мало подходит.

Таков смысл моего прощального слова, которое во многом является также и приветствием, чтобы в духе жить в большей степени сообща, чем могли мы это здесь на физическом плане. Надеюсь, что последнее может состояться снова в не столь отдаленное время.